

Стахеев Дмитрий Иванович

Собрание сочинений

Том 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Д53

Д53 **Дмитрий Иванович С.**
Собрание сочинений: Том 10 / Стахеев Дмитрий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2023. – 383 с.

ISBN 978-5-519-75378-4

ISBN 978-5-519-75378-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

НАСЛѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

По подгорью лѣса вьется едва замѣтная тропинка. Мѣстами она совершенно теряется изъ виду, точно играетъ съ кѣмъ-то и прячется, скрывая свой слѣдъ, и вдругъ совершенно неожиданно показывается гдѣ-нибудь вдали на болѣе открытомъ мѣстѣ.

Жаркій лѣтній день.

Въ лѣсу тихо, глухо какъ-то, точно онъ спитъ, и лишь въ просонкахъ, нѣрѣдка, подъ вліяніемъ сна, покачивается какая-нибудь вѣтка, при чемъ листья ея тревожно зашепчутся между собой, и снова все замретъ.

Въ такую пору шелъ по лѣсу человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Шелъ онъ медленно, вяло, видимо утомленный и долгимъ путемъ и длиннымъ подъемомъ въ гору. Поднимаясь, не разъ отклонялся въ сторону, теряя шаловливую тропинку, не разъ останавливался, чтобы осмотрѣться, составить дальнѣйшій планъ пути и отдышаться.

По костюму путника можно принять за барина, потому что на немъ свѣжая сомоленная шляпа и свѣтлое лѣтнее пальто.

Росту онъ средняго, пожалуй, можно сказать, даже маленькаго; но по одному росту нельзя опредѣлить его званіе. Въ этомъ случаѣ размѣры живота и, вообще, излишній наплывъ жира во всемъ тѣлѣ, рекомендуютъ

его, какъ дѣйствительнаго члена общества мало работающихъ и много имѣющихъ. Такія общества существуютъ во всѣхъ частяхъ земнаго шара и въ нихъ такъ-же, какъ и во всѣхъ, надлежащимъ порядкомъ утвержденныхъ обществахъ, есть свои предсѣдатели, директора, почетные члены и пр. и пр.

Въ виду такой рекомендаціи необходимо замѣтить, въ утѣшеніе тощихъ людей, что, во-первыхъ, не въ деньгахъ счастье, а во-вторыхъ, «ужь такъ самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого возстаютъ».

Фигурою своею путникъ напоминалъ боченокъ, впрочемъ, не очень большихъ размѣровъ, но и не очень малыхъ; во всякомъ случаѣ, бочкой его назвать было-бы много и, главное, преждевременно.

Опять-таки нужно замѣтить, что уподобленіе образа и подобія божескаго неодушевленному предмету, да еще и такихъ солидныхъ размѣровъ, какъ бочка, хотя и придумано, очевидно, тощими людьми и въ зависти, но не можетъ быть обидно для толстыхъ людей. Извѣстно, что, чѣмъ человекъ толще, тѣмъ лѣнивѣе, тѣмъ, слѣдовательно, меньше въ немъ способности дѣлать, чтобы-то ни было; а такъ какъ люди, вследствие-ли историческихъ причинъ, или уже такъ, отъ начала своего существованія, получили благородную склонность эксплуатировать другъ друга, то толстые люди, при извѣстномъ развитіи полноты, оказываются уже безвредными. Толщина иногда увеличивается до такихъ размѣровъ, что человекъ лишается возможности не только что-либо дѣлать, но даже мыслить, словомъ, достигаетъ совершенной непорочности.

Представители такого типа встрѣчаются во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Въ деревнѣ староста, такъ сказать, мѣстное начальство, агентъ правительства, и дворникъ, содержатель постоялаго двора—представитель торговли и промышленности, — оба страдающіе постоянной жаждой и уничтожающіе, вследствие этой роковой причины, несмѣтное количество квасу и со

льдомъ и съ мухами, и оба съ вѣчной жалобой на то, что ихъ «жизнь свиная: ходишь, да хрюкаешь». Въ городѣ — разбогатѣвшій купецъ, главный, будто-бы, рычагъ въ экономическомъ развитіи страны, не такъ давно бывшій юркимъ лавочникомъ, подергивавшимъ ежеминутно рукава своего кафтана, въ чаяніи барышей отъ продажи, а теперь, сановитый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, виновникъ благолѣпія мѣстныхъ храмовъ, и на груди его въ торжественные дни не только красуется золотая медаль на анненской лентѣ, но есть даже и досточтимый орденъ — крайній предѣлъ купеческаго тщеславія. За купцомъ — протопопъ, когда-то бывшій протодіакономъ и потрясавшій своды церковей своимъ необъятнымъ басомъ, о которомъ въ народѣ сохраняются и переходятъ изъ рода въ родъ легенды, одна другой чудеснѣе, служа, такимъ образомъ, какъ-бы продолженіемъ богатырскаго эпоса. Теперь этотъ басъ исчезъ съ лица земли, и бывшій обладатель его мирно оканчиваетъ свои дни въ деревянномъ домикѣ съ полисадникомъ и только по-временамъ покрываетъ, вспоминая прошлое, причемъ его солидный животъ колыхается, подобно кораблю на волнахъ безпредѣльнаго океана. Въ томъ сословіи, которому самъ Богъ покровительствуетъ по части разныхъ привилегій и, по своей неизрѣченной милости, даетъ возможность считаться неизблненнымъ оплотомъ государства, — толстыми людьми въ прежнее время были откупщики «по акцизно винной системѣ», губернскіе предводители, степные помѣщики — всѣ необычайно плодотворные, съ большимъ апетитомъ и съ вѣчно тяжелымъ дыханьемъ, напоминающимъ шумъ локомотива или «воду многихъ». Теперь мѣсто ихъ съ честью заняли всевозможные предсѣдатели, попечители, директоры и всякаго рода управляющіе, «ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Эти крупные представители типа людей, уже осуществившихъ свои идеалы, идутъ по дорогѣ жизни не торопясь, медленно, тихо и съ достоинствомъ, сознавая, что торопиться больше некуда, ибо все, что нужно

было сдѣлать—сдѣлано, свершено «въ предѣлѣ земномъ все земное». Глядя на нихъ, какъ на путеводную звѣзду, идутъ болѣе поспѣшнымъ шагомъ, отирая уже начинающіе потѣть отъ тучности тѣла лбы, тысячи другихъ лицъ, желающихъ также достигнуть возможности плотно сѣсть на мѣстѣ и отдохнуть въ свое удовольствіе. А за ними далѣе, толкая одинъ другого, падая, поднимаясь и задыхаясь, бѣгутъ, торопятся другія тысячи мелкихъ пестрыхъ лицъ, — всѣ съ надеждой добиться, болѣе или менѣе легкимъ путемъ, независимаго положенія, составить себѣ карьеру и отдохнуть, и превратиться потомъ подъ старость въ бочки.

Смотря на этотъ круговоротъ жизни, остановится иной разъ въ сторонѣ чуждый интересовъ толпы одинокій человѣкъ, крикнетъ бѣгущимъ: «Куда вы? Зачѣмъ? Тамъ нѣтъ того, что вы ищете, тамъ только сонъ, ожирѣніе. Идите сюда!» Но въ общемъ шумѣ и окрика не слышно, да и слушать никто не хочетъ. Несется мимо него волнующаяся толпа. Подъ ударами толчковъ и пинковъ летятъ въ сторону, головой внизъ, болѣе слабые, слышатся жалобы, стоны, проклятія. Дикимъ хохотомъ провожаютъ ихъ болѣе сильные, успѣвшіе очистить себѣ дорогу, и пускаются на рыскахъ впередъ, не замѣчая, какъ сзади на нихъ налетаетъ сильнѣйшій. Вотъ и они, въ свою очередь, полетѣли куда-то подъ гору, лица ихъ искривлены злобой, волосы всклокочены... Поднявшись на ноги послѣ паденія, они гнѣвно сжимаютъ кулаки, грозятъ ими по направленію къ убѣгающимъ счастливымъ соперникамъ и, прихрамывая, пускаются велѣдъ за ними.

— И это жизнь?—грустно думаетъ чуждый интересовъ толпы человѣкъ и отправляется ровной и мѣрной поступью по своей дорогѣ.

Узнать, къ которому изъ подраздѣленій бочечнаго типа можетъ быть причисленъ путникъ, пробиравшійся по лѣсной тропинкѣ, сразу нѣсколько трудно. Похожъ онъ, какъ будто, на крупнаго степного землевладѣльца, но повнимательнѣе всмотрѣться и оказывается не по-

хожъ, даже вовсе не похожъ: тѣ больше на медвѣдей смахиваютъ, а въ его походкѣ ничего нѣтъ медвѣжьего. Директоры департаментовъ бываютъ иногда такіе; но у нихъ, по привычкѣ повелѣвать, голова всегда откинута назадъ: директоръ и по лѣсу пойдетъ, какъ по канцеляріи, съ царственной осанкой, и привскакиваютъ, въ его воображеніи, въ дугу сгибая спины, мелкіе чиновники, съ трепетомъ въ очахъ и съ вѣчными думами о прибавкѣ жалованья.

Нѣтъ, это все не то.

Сомнѣніе наводитъ слѣдующее обстоятельство. Въ пухлыхъ, бѣлыхъ рукахъ путника была желѣзная лопатка, которую онъ, иди по лѣсу, лѣниво волочилъ по землѣ, перекладывая изъ одной руки въ другую, по временамъ небрежно, а порой даже съ оттѣнкомъ нѣкоторой досады и нетерпѣнія.

Шелъ, шелъ онъ и выбрался на крутой обрывистый берегъ. Глубоко внизу, точно крадучись между высокими тальникомъ и путаясь среди камней, журчала небольшая рѣчка. Вдали виднѣлась ярко освѣщенная солнцемъ барская усадьба: бѣлый большой домъ съ колоннами, балкономъ, садомъ, оранжереей и прочей благодатью, а далѣе лѣпились, скучившись, крестьянскія избышки, криво и косо построенныя, точно жались одна къ другой. Такъ жмутся и прячутся за спины товарищей на сходкѣ мужики, когда исправникъ, въ позѣ главнокомандующаго, предлагаетъ на мірское рѣшеніе давно уже имъ самимъ предрѣшенный вопросъ. Все та-же прежняя картина родной страны, которую,

Въ рабскомъ видѣ, Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

На краю обрыва, точно поддерживаемый невидимой силой, висѣлъ громадный камень. Путникъ оглядѣлъ его съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ, даже спустился, почти сползъ, нѣсколько внизъ съ горы, для того, чтобы составить болѣе ясное понятіе о его размѣрахъ и положеніи. Потомъ, поднявшись назадъ,

онъ забрался на камень и подпрыгнулъ на немъ нѣсколько разъ, очевидно, пробуя, не будетъ-ли онъ отъ этого трогаться. Въ этомъ случаѣ путникъ какъ-будто руководствовался тѣмъ знаменитымъ примѣромъ сообразительнаго полиціймейстера, который, прежде чѣмъ дозволить ѣхать пожарному обозу по новому мосту черезъ широкую рѣку, самъ зашелъ впередъ, подпрыгнулъ на немъ раза два и потомъ уже повелительно махнулъ рукой командѣ: трогай, молъ, теперь вѣрю, что мостъ построенъ прочно.

Камень тоже прочно сидѣлъ въ землѣ и, несмотря на прыжки путника, оставался по прежнему недвижимъ.

Онъ принялся его окапывать.

Копалъ онъ какъ-то странно: то въ одномъ мѣстѣ пороетъ, то въ другомъ. Покопаетъ такъ минуты двѣтри и начинаетъ всматриваться въ вырытую яму, широко разставивъ ноги и упершись ладонями рукъ въ колѣна, точно надѣется увидѣть что-то очень любопытное. Потомъ, послѣ нѣкотораго мычанья и покрикиванья, обозначающаго какъ бы ропотъ на неосуществленіе надеждъ, снова принимается за работу.

Опредѣлить цѣль его копанья постороннему человѣку было бы трудно. Докторъ отозвался бы о ней съ похвалою, въ видахъ гигиеническихъ, мужикъ съ ироніей замѣтилъ бы о баловствѣ господъ, а иной внимательный человѣкъ, при видѣ этой работы, невольно подумалъ бы о разнообразіи душевныхъ болѣзней...

Черезъ нѣсколько времени путникъ, совершенно раскисшій отъ работы, завалился подъ тѣнью сосны, закинулъ одну ногу на другую и долго оставался въ такомъ положеніи. Предаваясь совершенному покою физически, онъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ преслѣдовать ту цѣль, которая привела его на край обрыва и, лежа, размышлялъ именно о томъ, что можетъ оказаться подъ камнемъ, если удастся его спалить. Сначала подумалъ, что подъ нимъ очень легко могутъ оказаться какія-нибудь орудія монголовъ, относящіяся

къ тринадцатому вѣку, конья, напимѣръ, какія-нибудь ножи, наконецъ, вещи изъ домашней утвари; но потомъ, при болѣе подробномъ разсмотрѣннн этого предположенія, самъ себя началъ оспаривать и оспаривалъ весьма убѣдительно, напирая всего болѣе на то, что монголы въ эту сторону не заходили, ибо испугались сѣвера и поворотили значительно южнѣе отъ Великаго Новгорода. Онъ даже подосадовалъ на монголъ за то, что они повернули въ другую сторону и обругалъ ихъ за это свиньями. Нужно замѣтить, что досада увеличивалась и отъ того, что лежать ему на голой землѣ стало неудобно: онъ, замѣтно, былъ склоненъ къ комфорту и мягкой постели, что ясно обнаружилось потомъ его непрерывными перевалами съ одного бока на другой. Переваливаясь, онъ сильно кряхтѣлъ и мычалъ что-то, очевидно въ неудовольствіи на то, что историческіе факты слагаются неблагопріятно. Ему замѣтно хотѣлось ихъ подтянуть такъ, чтобы имѣть надежду найти подъ камнемъ какую-нибудь древнюю вещь, но подтянуть ихъ рѣшительно не удавалось.

Наконецъ, лежать стало просто невыносимо. Онъ попробовалъ сѣсть, опершись широкой спиной на стволъ дерева, и почувствовалъ, что съ новымъ удобнымъ положеніемъ и мысли какъ-то стали лучше приходить въ голову, свѣжѣе, оригинальнѣе и въ большемъ изобиліи. Главное дѣло, конечно, удобство. Сидя, онъ очень ловко подобрался къ Ливонскимъ рыцарямъ и обрадовался имъ, какъ самой подходящей для его плановъ находкѣ. Ужъ чего вѣрнѣе этого, — думалъ онъ, и въ пылу своего воображенія началъ громоздить одну случайность на другую, припоминая и Ледовое Полеище, и Александра Невского, и 1200-й годъ и, вообще, громоздилъ долго и много, пока дѣйствительность не стащила его съ фантастическаго коня. Результатомъ всего оказалось, что и Ливонскіе рыцари, со всѣми своими боевыми доспѣхами, были потревожены тоже совершенно напрасно, потому что, по положенію камня

и по его громаднымъ размѣрамъ, нельзя было ожидать никакихъ пріятныхъ послѣдствій отъ раскопки, да и охота оканывать камень какъ-то вдругъ пропала.

— Жарко, — подумалъ путникъ, и здѣсь вотъ въ тѣни и то жарко... Богъ съ нимъ, пусть лежитъ...

Онъ широко-широко зѣвнулъ и потянулся; гдѣ-то подъ бокомъ платье затрещало...

— Такъ и есть, трещить, — лѣниво подумалъ онъ, — давно ли кажется сшилъ, а опять...

Потомъ онъ снова вспомнилъ о камнѣ.

— Послать развѣ мужиковъ, — соображалъ онъ, — подкопать..., Отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не попробовать? Мужикамъ не жарко...

На этомъ путникъ порѣшилъ, и такъ какъ сидѣть ему становилось тоже неудобно, да и надоѣло уже, онъ поднялся на ноги и, забывъ совершенно о лопатѣ, пошелъ обратно. Словомъ, кончилъ тѣмъ, съ чего нужно было начать.

Путь его лежалъ по тому-же направленію, по которому онъ шелъ впередъ. Но выбравшись изъ лѣсу и идя по открытой ровной мѣстности, онъ замѣтилъ на берегу рѣчки небольшой холмикъ, обросшій травой, и вдругъ почувствовалъ сильнѣйшее желаніе покопать его. Опять монголы и Ливонскіе рыцари и всякая домашняя утварь жителей отдаленныхъ вѣковъ полѣзли ему въ голову, да какъ-то торопливо, вдругъ, цѣпляясь одно за другое. Онъ, очарованный новыми надеждами, хотѣлъ поскорѣе приняться за работу, точно боялся, что холмикъ можетъ убѣжать отъ него. Ускоряя шаги по направленію къ мѣсту, такъ сильно его заинтересовавшему, онъ совершенно забылъ, что лопату оставилъ далеко въ лѣсу, и вспомнивъ о ней, сильно смутился и почесалъ у себя за ухомъ, что обыкновенно дѣлалъ въ трудныя минуты жизни. Потомъ онъ суетливо началъ поглядывать въ разныя стороны, высматривая, не попадется-ли гдѣ подходящее орудіе и даже поднять было какую-то сухую вѣтку дерева, но тотчасъ же, впрочемъ, и бросилъ.